

Сентябрь принес с собой бесконечные, затяжные дожди. Мелкая изморось не раздражала — она мягко смывала остатки августовского зноя, и в лучах неяркого солнца уже чувствовалось дыхание осени. Вишневая роща, высаженная по образу и подобию лесов далекого Запада, дышала легкой, едва уловимой печалью. Скоро темно-зеленая листва опадет, поддавшись холодам, и оставит лишь голые ветви цвета темного пурпура.

Японское поместье, скрытое в тени деревьев, в точности повторяло Старое поместье Хатаке. Каждая черепица, каждая доска — я стремилась к абсолютному сходству. Здесь, во внутреннем дворе, рос одинокий баньян, протянувший ветви за ограду, а на тренировочных столбах всё так же виднелись следы от кунаев. Внутри — простая мебель, пустота и гулкое отсутствие жизни. Я упрямо восстанавливала этот дом по крупицам памяти, надеясь удержать нечто неуловимое, самую ауру прошлого. Но сколько бы я ни копировала форму, мне не под силу было воскресить утраченное.

Я провела ухоженными пальцами по календарю, отсчитывающему дни девятого месяца, и замерла на скромной черной цифре «15». В груди шевельнулось странное, почти забытое чувство.

День рождения.

Кажется, в последний раз я праздновала его еще в прошлой жизни. У меня никогда не было такой привычки, да и само событие не казалось чем-то особенным — до того самого дня во время Третьей мировой войны ниндзя, когда Обито и Рин устроили для меня маленький пир. С тех пор каждый год я неизменно втыкала свечу в простую белую булочку-маньтоу вместо торта, делила её на три части перед мемориальным камнем и съедала свою долю. С того момента, как я оказалась в этом мире, я не отмечала его ни разу.

Но сегодня, среди этой томительной скуки и бесцельных дней одиночества, мне вдруг захотелось настоящего праздника.

Я вымела из дома всё лишнее и приготовила роскошный ужин. Стол ломился от яств, повсюду чувствовалась атмосфера торжества. Я открыла кувшин доброго вина, наполнила ряд чаш. А затем... применила Гиас к самим законам этого мира.

Знакомые лица стали появляться одно за другим. Казалось, ничего не произошло; мы всё еще в старом поместье Хатаке, и все вокруг смеются и шумят в привычной манере. Вот Джирайя и Цунаде затеяли спор за выпивкой; Анко, закинув ногу на стул, громко хлопает ладонью по столу; Наруто и Сакура о чем-то кричат, уплетая еду за обе щеки; а Кабуто суетится вокруг, пока Анко не хватает его за шиворот, пытаясь напоить силой.

Я сидела во главе стола, глядя на этот счастливый хаос, и улыбалась. Чья-то рука коснулась моего плеча, по спине разлилось знакомое тепло.

— Не пора ли пригубить красного вина? — низкий, хрипловатый голос заставил меня вздрогнуть, но лишь на мгновение.

Приняв чашу из бледных пальцев, я поднялась.

— Друзья, — я сделала паузу, дожидаясь, пока все обратят на меня взор. — Выпьем же за мой день рождения!

Даже юные Наруто и остальные подняли свои кубки. Из-за моей спины вышел Орочимару; темно-синее кимоно было ему очень к лицу. Он чуть склонил голову, и его иссиня-черные волосы качнулись. Он смотрел так тепло, что перехватывало дыхание.

Кубки взмыли вверх, раздались радостные возгласы...

И в следующий миг чаша выпала из моих рук. Вино брызнуло на пол красными каплями. Я всё еще улыбалась, но в глазах уже застыл ужас. Шумный, живой дом в одно мгновение стал невыносимо пустым и холодным. Яркие пузыри воспоминаний лопнули, не выдержав столкновения с реальностью.

Я бессильно опустилась на стул, спрятав лицо в ладонях. Образы, созданные силой Гиаса, были лишь пределом возможного; границы этого мира нерушимы. Те, кого больше нет, не могут вернуться. Чего я искала? Утешения или новой боли? Я снова и снова одержимо жаждала невозможного. Всегда считала, что действую во благо других, но в итоге оставалась лишь с горьким раскаянием.

Маленькая змея, Сяо Шэ, безмолвно наблюдал за мной, и его взгляд был глубок, как сама ночь. Стол всё еще ломился от горячих блюд, но я не чувствовала тепла. Ледяная стужа поднималась из самой глубины сердца, словно вскрывшийся лесной родник.

Наверное, не стоило и начинать. Память о днях рождения всегда приносила мне больше скорби, чем радости.

Внезапно в дверь постучали. Глухие удары отозвались эхом в пустых комнатах, слышались чьи-то голоса. Списав это на очередную галлюцинацию, я не сразу поднялась, но стук повторился. Я поспешила к дверям и замерла.

На пороге стояли те, кого я совсем не ожидала увидеть. Передо мной возник сверток в блестящей бумаге с пышным бантом, а за ним — не менее сияющая светло-золотистая макушка.

— Бельдер, с днем рождения! — Драко, хоть мы и были ровесниками по документам, сейчас казался значительно ниже меня, вернувшейся к своему прежнему росту.

Я лишилась дара речи, глупо загородив проход. Люциус чуть приподнял подбородок — без тени высокомерия, напротив, выказывая безупречное почтение.

— Вы не пригласите нас войти, милорд?

Я искренне улыбнулась.

— Я не ожидала, что вы придете, — я отступила, пропуская гостей.

Семья Малфоев вошла в дом, а за ними следовал Снейп. Он был в своей привычной черной мантии, строгой и без единого украшения, но мой острый глаз заметил на его манжетах изящные запонки из изумрудов в серебряной оправе. Его волосы были чистыми и пахли шампунем.

Проходя мимо, он тихо пробормотал поздравление, не решаясь поднять взгляд, а на его бледном лице проступил едва заметный румянец. «Он стесняется», — промелькнула забавная мысль. Я приняла из его рук коробочку. Глядя на этих людей, я почувствовала, как внутри меня поднимается волна тепла, заполняя пустоту.

Я забыла самое главное: нельзя жить одними воспоминаниями. Да, я потеряла близких и прошлое, но обрела новые узы. Здесь были люди, которые мне дороги и которым дорога я. Я не имела права совершать ту же ошибку дважды.

Закрыв дверь, я обернулась и так лучезарно улыбнулась, как никогда прежде. Снейп замер, глядя на меня как замороженный.

— Ты чему смеешься? — обернулся Драко.

Я покачала головой, не переставая улыбаться. Он озадаченно склонил голову, в его серых глазах промелькнуло сомнение, но он тут же отвернулся. Всё-таки он еще совсем ребенок.

Я приняла решение. Я не отпущу то, что мне дорого. И если боги встанут у меня на пути — я убью и богов.

Сделав шаг вперед, я крепко сжала руку Северуса. Тепло побежало по коже. Моя ладонь согрела его пальцы, остывшие после ночной прогулки, а его близость отогрела мое израненное сердце. Пораженный моей дерзостью, он попытался высвободиться, но куда там — я не разжала пальцев. Он покраснел, а его взгляд теперь был прикован только ко мне. Я потянула его на себя, сокращая дистанцию; мой слух, обостренный годами тренировок, уловил, как его сердце забилося часто-часто, точно барабанная дробь.

Его глаза были совсем не похожи на те, золотые, из моей памяти. Взгляд Орочимару всегда был ледяным и полным презрения, словно он видел тебя насквозь, вытравливая любую ложь. Люди трепетали перед ним, ведь он крайне редко позволял себе нежность — лишь для немногих избранных.

Снейп же смотрел бездонно-черными глазами, сложными и непостижимыми. На поверхности — пустота, но внутри скрыто слишком много. Ученики боялись этого взгляда, но на самом деле он не был свирепым. В этой пустоте крылись отречение и решимость, боль и борьба, трусость и величайшая отвага. Этот черный цвет никогда не будет таким прямолинейным, как золото. Северус никогда не умел жить легко.

— Тебе не нужно быть со мной столь официальным. Мне не нужен твой страх, — мой голос звучал мягко, но с той силой, которая не терпит возражений.

Два цвета встретились в упор.

— Северус Снейп, я говорю тебе прямо: я люблю тебя.

Завеса, отделявшая нас от признания, наконец пала. Он широко раскрыл глаза.

— Лорд... — начал он, но мой взгляд заставил его замолчать. Северус поджал губы, а затем сдался. — Бельдер... Я — Слизерин. А Слизерины не отказываются от того, что принадлежит им.

Я снова улыбнулась.

Я — Слизерин, а значит — осторожна.

Я — Слизерин, а значит — верна своему сердцу.

Мы вместе вошли в столовую, где Малфои уже застыли перед праздничным столом. Нарцисса нерешительно произнесла:

— У тебя уже были гости?

Она с беспокойством окинула взглядом нетронутые блюда и разбросанные чаши. Я беспечно подняла один из кубков с пола.

— А, они уже ушли. Но пир только начинается.

И это была правда. Жизнь с моими друзьями, с моими близкими — она только начиналась.

Посвящается моему любимому Хатаке Какаши. С днем рождения!

Чу Цзю

15.09.2012

<http://bllate.org/book/17409/1663069>